

Чехов Антон Павлович

Сказки Мельпомены

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
А72

А72 **Антон Павлович Ч.**
Сказки Мельпомены / Чехов Антон Павлович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 98 с.

ISBN 978-5-521-30192-8

ISBN 978-5-521-30192-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

павшіе въ театральные завсегдатаи и блудолизы, благодаря злату, серебру и родству. Обѣды эти выходятъ не скучные, для человѣка наблюдающаго интересные... Раза два стоитъ пообѣдать.

Извѣстные (между обѣдающими много такихъ) ѣдятъ и говорятъ. Поза ихъ вольная: шея на одинъ бокъ, голова на другой, одинъ локоть—на столѣ. Старички даже ковыряютъ въ зубахъ.

Газетчики занимаютъ стулья, ближайшіе къ сея стулу. Они почти все пьяны и держатъ себя весьма развязно, какъ будто бы они знакомы съ ней уже сто лѣтъ. Возьми они градусомъ выше, дѣло дошло бы до фамиллярности. Они громко острятъ, пьютъ, перебиваютъ другъ друга (причемъ не забываютъ сказать: „*ragdon!*“), производятъ трескучіе тосты и, видимо, не боятся сплунить; нѣкоторые джентльменски переваливаясь черезъ уголъ стола, цѣлуютъ сея ручку.

Выдающіе себя за рецензентовъ менторски бесѣдуютъ съ любителями и цѣнителями. Любители и цѣнители молчатъ. Они завидуютъ газетчикамъ, блаженно улыбаются и пьютъ одно только красное, которое на этихъ обѣдахъ бываетъ особенно хорошо.

Она, царица обѣда, одѣта простенько, но ужасно дорого. Крупный брилліантъ

выглядываетъ на шеѣ изъ подъ кружевной оборочки. На обѣихъ рукахъ—по массивному гладкому браслету. Прическа въ высшей степени неопредѣленная: дамамъ—нравится, мужчинамъ—не нравится. Лицо ея сіяетъ и льетъ на всю обѣдающую братію широчайшую улыбку. Она умѣетъ улыбаться всѣмъ сразу, говорить сразу со всѣми, мило кивать головой; кивокъ головы достается каждому обѣдающему. Посмотрите на ея лицо и вамъ покажется, что вокругъ нея сидятъ одни только друзья и что она къ этимъ друзьямъ питаетъ самое дружеское расположеніе. Въ концѣ обѣда она кое-кому даритъ свои карточки; сзади карточки она пишетъ тутъ же за столомъ имя и фамилію счастливика-получателя и автографъ. Говоритъ она, разумѣется, по французски, въ концѣ же обѣда и на другихъ языкахъ. По англійски и по нѣмецки она говоритъ плохо до смѣшнаго, но и эта плохость выходитъ у нея милой. Вообще, она такъ мила, что вы надолго забываете, что она—уродъ.

А онъ? Онъ, *le mari d'elle*, сидитъ отъ нея за пять стульевъ, много пьетъ, много ѣстъ, много молчитъ, катаетъ изъ хлѣба шарики и перечитываетъ ярлыки на бутылкахъ. Глядя на его фигуру, чувствуется, что ему нечего дѣлать, скучно, лѣнь. надоѣло...

Онъ бѣлокуръ, съ плѣшью, которая дорожками пробѣгаетъ по его головѣ. Женщины, вино, бессонныя ночи и тасканіе по бѣлу-свѣту бороздой пробѣхали по его лицу и оставили глубокія морщины. Ему лѣтъ тридцать пять, не больше, но онъ старше на видъ. Лицо, какъ-бы вымоченное въ квасу. Глаза—хорошіе, но лѣнивые... Онъ когда-то не былъ уродомъ, но теперь уродъ. Ноги дугой, руки землястаго цвѣта, шея волосистая. Благодаря этимъ кривымъ ногамъ и особенной странной походкѣ его дразнятъ въ Европѣ почему-то „коляской“. Въ своемъ фракѣ напоминаетъ онъ мокрую галку съ сухимъ хвостомъ. Обѣдающіе его не замѣчаютъ. Онъ платитъ тѣмъ же.

Попадите вы на обѣдъ, глядите на нихъ, на этихъ супруговъ, наблюдайте и скажите мнѣ, что связало и что связываетъ этихъ двухъ людей?

Глядя на нихъ, вы отвѣтите (разумѣется, приблизительно) такъ:

— Она—извѣстная пѣвица, онъ—только мужъ извѣстной пѣвицы, или, выражаясь закулиснымъ терминомъ, мужъ своей жены. Она зарабатываетъ до восьмидесяти тысячъ въ годъ на русскія деньги, онъ ничего не дѣлаетъ, стало быть, у него есть время быть ея слугой. Ей нуженъ кассиръ и человѣкъ, который возился бы съ ан-

трепенерами, контрактами, договорами... Она знается съ одной только апплодирующей публикой, до кассы же, до прозаической стороны своей дѣятельности она не снисходитъ, ей нѣтъ до нея дѣла. Слѣдовательно, онъ ей нуженъ, нуженъ, какъ прихвостень, слуга... Она прогнала бы его, если бы умѣла управляться сама. Онъ же, получая отъ нея солидное жалованье (она не знаетъ цѣны деньгамъ!), какъ дважды два—четыре, обкрадываетъ ее за одно съ горничными, сорить ся деньгами, кутить на пропадую, быть можетъ, даже прятать про черный день и—доволенъ своимъ положеніемъ, какъ червякъ, забравшійся въ хорошее яблоко. Онъ ушолъ бы отъ нея, если бы у нея не было денегъ.

Такъ думаютъ и говорятъ всѣ тѣ, которые разсматриваютъ ихъ во время обѣдовъ. Думаютъ такъ и говорятъ, потому что, не имѣя возможности проникнуть въ глубь дѣла, могутъ судить только поверхностно. На нее глядятъ, какъ на диву, отъ него же сторонятся, какъ отъ пигмея, покрытаго лягушечью слизью; а между тѣмъ эта европейская дива связана съ этимъ лягушонкомъ завиднѣйшей, благороднѣйшей связью.

Вотъ что пишетъ онъ:

— „Спрашиваютъ меня, за что я люблю эту мегеру? Правда, эта женщина не сто-

ить любви. Она не стоит и ненависти. Стоит она только того, чтобы на нее не обращали вниманія, игнорировали ея существованіе. Чтобы любить ее, нужно быть или мной, или сумасшедшимъ, что, впрочемъ, одно и тоже.

„Она некрасива. Когда я женился на ней, она была уродомъ, а теперь и по-давно. У нея нѣтъ лба; вмѣсто бровей, надъ глазами лежатъ двѣ едва замѣтныя полосы; вмѣсто глазъ у нея двѣ неглубокія щели. Въ этихъ щеляхъ ничего не свѣтится: ни ума, ни желаній, ни страсти. Носъ—картофелю. Ротъ малъ, красивъ, зато зубы ужасны. У нея нѣтъ груди и талии. Послѣдній недостатокъ скрашивается, впрочемъ, ея чертовскимъ умѣньемъ какъ то сверхъестественно искусно затягиваться въ корсетъ. Она коротка и полна. Полнота ея обрюзгая. *En masse*, во всемъ ея тѣлѣ есть недостатокъ, который я считаю наиважнѣйшимъ—это полное отсутствіе женственности. Блѣдность кожи и мышечное безсиліе я не считаю за женственность и въ этомъ отношеніи расхожусь во взглядѣ съ очень многими. Она не дама, не барыня, а лавочница съ угловатыми манерами: ходитъ—руками машетъ, сидитъ, положивъ ногу на ногу, покачиваясь назадъ и впередъ всѣмъ корпусомъ, лежитъ, поднявъ ноги, и т. д...

Она неряшлива. Особенно характерны въ этомъ отношеніи ея чемоданы. Въ нихъ чистое бѣлье перемѣшано съ грязнымъ, манжеты съ туфлями и моими сапогами, новые корсеты съ изломанными. Мы никогда никого не принимаемъ, потому что въ нашихъ номерахъ вѣчно присутствуетъ грязный беспорядокъ. . Ахъ, да что говорить? Посмотрите на нее въ полдень, когда она просыпается и лѣниво выплзаетъ изъ подъ своего одѣяла, и вы не узнаете въ ней женщину съ соловьинымъ голосомъ. Непричесанная, съ перепутавшимися волосами, съ заспанными, заплаканными глазами, въ сорочкѣ съ продранными плечами, босая, косая, окутанная облакомъ вчерашняго табачнаго дыма—похожа ли она на соловья?

Она пьетъ. Пьетъ она, какъ гусаръ, когда угодно и что угодно. Пьетъ уже давно. Если бы она не пила, она была бы выше Патти и, во всякомъ случаѣ, не ниже. Она пропила половину своей карьеры и очень скоро пропьетъ другую. Негодяи нѣмцы научили ее пить пиво, и она теперь не ложится спать, не выпивъ на сонъ грядущій двухъ-трехъ бутылокъ. Если бы она не пила, у нея не было бы катарра желудка.

Она невѣжлива, чему свидѣтели студенты, которые иногда приглашаютъ ее на свои концерты.

Она любитъ рекламу. Реклама обходится намъ ежегодно въ нѣсколько тысячъ франковъ. Я всей душой презираю рекламу. Какъ бы ни была дорога эта глупая реклама, она всегда будетъ дешевле ся голоса. Жена любитъ, чтобы ее гладили по головкѣ, не любитъ, чтобы о ней говорили правду, не похожую на похвалу. Для нея купленный іудинъ поцѣлуй милѣе не купленной критики. Полное отсутствіе сознанія собственнаго достоинства!

Она умна, но умъ ея не довоспитанъ. Мозги ея давно уже потеряли свою эластичность; они покрылись жиромъ и спять.

Она капризна, не постоянна, не имѣетъ ни одного прочнаго убѣжденія. Вчера она говорила, что деньги—ерунда, что вся суть не въ нихъ, сегодня же она даетъ концерты въ четырехъ мѣстахъ, потому что пришла къ убѣжденію, что на этомъ свѣтѣ нѣтъ ничего выше денегъ. Завтра она скажетъ то, что говорила вчера. Она не хочетъ знать отечества, у нея нѣтъ политическихъ героевъ, нѣтъ любимой газеты, любимыхъ авторовъ.

Она богата, но не помогаетъ бѣднымъ. Мало того, она часто не доплачиваетъ модисткамъ и парикмахерамъ. У нея нѣтъ сердца.

Тысячу разъ испорченная женщина!

Но поглядите вы на эту мегеру, когда она намазанная, зализанная, стинутая, приближается къ рамѣ, чтобы начать соперничать съ соловьями и жаворонкомъ, привѣтствующимъ майскую зарю. Сколько достоинства и сколько прелести въ этой лебединой походкѣ! Приглядитесь и будьте, умоляю васъ, внимательны. Когда она впервые поднимаетъ руку и раскрываетъ ротъ, ея щечки превращаются въ большіе глаза и наполняются блескомъ и страстью.. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ вы не найдете такихъ чудныхъ глазъ. Когда она, моя жена, начинаетъ пѣть, когда по воздуху пробѣгаютъ первыя трели, когда я начинаю чувствовать, что подъ вліяніемъ этихъ чудныхъ звуковъ стихаетъ моя взбаломученная душа, тогда поглядите на мое лице и вамъ откроется тайна моей любви.

— Не правда-ли, она прекрасна? спрашиваю я тогда своихъ сосѣдей.

Они говорятъ: «да», но мнѣ мало этого. Мнѣ хочется уничтожить того, кто могъ бы подумать, что эта необыкновенная женщина не моя жена. Я все забываю, что было раньше и живу только однимъ настоящимъ.

Посмотрите, какая она актриса! Сколько глубокаго смысла кроется въ каждомъ ея движеніи! Она понимаетъ все: и любовь, и ненависть, и человѣческую душу... Не да-

ромъ театрѣ дрожить отъ аплодисментовъ

По окончаніи послѣдняго акта я веду ее изъ театра, блѣдную, изнеможенную, въ одинъ вечеръ пережившую цѣлую жизнь. Я тоже блѣденъ и изнуренъ. Мы садимся въ карету и ѣдемъ въ отель. Въ отелѣ она, молча, не раздѣваясь, бросается въ постель. Я, молча, сажусь на край кровати и цѣлую ее руку. Въ этотъ вечеръ она не гонитъ меня отъ себя. Вмѣстѣ мы и засыпаемъ, спимъ до утра и просыпаемся, чтобы послать къ чорту другъ друга и...

Знаете, еще когда я люблю ее? Когда она присутствуетъ на балахъ, или обѣдахъ. И здѣсь я люблю въ ней замѣчательную актрису. Какой, въ самомъ дѣлѣ, нужно быть актрисой, чтобы умѣть перелитреть и пересилить свою природу такъ, какъ она умѣетъ... Я не узнаю ее на этихъ глухихъ обѣдахъ... Изъ оцепанной утки она дѣлаетъ павлина» ...

Это письмо написано пьянымъ, едва разборчивымъ почеркомъ. Писано оно по-нѣмецки и испещрено орфографическими ошибками.

Вотъ что пишетъ она:

— «Вы спрашиваете меня, люблю-ли я этого мальчика? Да, иногда... За что? Богъ знаетъ...

Правда, онъ некрасивъ и не симпатиченъ. Такіе, какъ онъ, не рождены для

того, чтобы имѣть право на взаимную любовь. Такіе, какъ онъ, могутъ только покупать любовь, даромъ же она имъ не дается. Судите сами.

Онъ день и ночь пьянъ, какъ сапожникъ. Руки его трясутся, что очень не красиво. Когда онъ пьянъ, онъ брюзжитъ и дерется. Онъ бьетъ и меня. Когда онъ трезвъ, онъ лежитъ, на чемъ попало, и молчить.

Онъ вѣчно оборванъ, хотя и не имѣетъ недостатка въ деньгахъ на платье. Половина моихъ сборовъ проскальзываетъ, неизвѣстно куда, сквозь его руки.

Никакъ не соберусь проконтролировать его. У несчастныхъ замужнихъ артистокъ ужасно дороги кассиры. Мужья получаютъ за свои труды полъ-касы.

Тратить онъ не на женщинъ, я это знаю. Онъ презираетъ женщинъ.

Онъ—лѣвтяй. Я не видала, чтобы онъ дѣлалъ когданибудь чтонибудь. Онъ пьетъ, ѣстъ, спитъ—и только.

Онъ нигдѣ не кончилъ курса. Его исключили изъ перваго курса университета за дерзости.

Онъ не дворянинъ и, что ужаснѣе всего, нѣмецъ.

Я не люблю господъ нѣмцевъ. На сто нѣмцевъ приходится девяносто девять идиотовъ и одинъ геній. Последнее я узнала